

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81.161.11'27

ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

А. Д. Васильев

Красноярск, Россия

Код БAK 10.02.01

A. D. Vasiliev

Krasnoyarsk, Russia

ИГРЫ В СЛОВА:

СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАГАДКИ

Аннотация. Описываются и анализируются прагматика и семантика употребления слов **нация, национальность, национальный** в современном российском публичном дискурсе.

Ключевые слова: нация; национальный; национальность; прагматика; семантика; публичный дискурс.

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: vasileva@kspu.ru.

WORD GAME:

CONTEMPORARY NATIONAL RIDDLES

Abstract. Pragmatics and semantics of the usage of such words as **nation, nationality, national** in contemporary Russian public discourse are analyzed and described.

Key words: nation; nationality; national; pragmatics; semantics; public discourse.

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

89.

Среди слов, используемых для манипуляций общественным сознанием, особое место принадлежит лексемам иноязычного происхождения. Если исходить из их градации по степени освоенности, то, конечно, наибольшего эффекта при проведении вербально-манипулятивных операций добиваются с применением самых «свежих» слов. Впрочем, и уже, казалось бы, привычные, давно вошедшие в речевой оборот носителей русского языка лексические заимствования либо слова с чужезычными корнями также могут быть весьма действенными орудиями трансформаций сознания общества.

Замечено, что в числе прочих теоретических проблем, возникающих при восприятии и истолковании заимствованных в русский язык слов, на первый план выдвигается проблема лексикологическая: «В русском языке уже имеются слова того же или близкого значения, даже заимствованные, но уже раньше... Многие заимствования в русском языке получают совершенно новое значение, поскольку в том значении, которое у них было в языке-источнике, уже используются собственные, русские слова... На почве несовпадения значений произошло много неприятных событий. Так, *приватизация* 'присвоение (для себя)' от латинского *privatio* 'лишение, отнятие' было неверно понято большинством населения, что задним умом и было воспринято в обозначении *прихватизация*. Такая же ловушка случилась и при толковании терминов *суверенитет, демократия, секвестр, конституция* и др., что тоже лежит на совести идеологов» [Колесов 2004: 200—201]. Впрочем, кроме степени совестливости идеологов, есть и собственно лингвистические причины предпочтения заимствований в некоторых ситуациях.

Во многом это объясняется отсутствием у заимствованных корневых элементов так называемой внутренней формы. А. А. Потеня дал ей такое определение: «*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль... Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (*бык* — ревуший, *волк* — режущий, *медведь* — едящий мед, *пчела* — жужжащая и проч.)... Внутренняя форма кроме фактического единства образа дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть *представление*» [Потеня 1976: 115, 146—147].

В координатах современной лингвистики внутреннюю форму слова определяют как семантическую и структурную соотношенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; это «признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [ЛЭС 1990: 85].

Конечно, слова иноязычного происхождения давно и традиционно оцениваются как благодатный материал для игры (обычно основанной на их ложной этимологии — внеучной интерпретации внутренней формы) в литературно-художественных произведениях. Кроме хрестоматийно известных примеров из «Левши» Н. С. Лескова, назовем еще некоторые. Так, в репликах свахи Красавиной из пьесы А. Н. Ос-

тровского контаминированы *мораль* и *марать*: «... Какая мне радость, что всякое дело [сватовство] всё врозь да врозь. ... Всеми нашему званию мараль» — «Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет» [Островский 1972, 1: 295, 315]. На ложной этимологии слова *мотивировать* (от *mat* — 'нецензурная брань') строится подобная игра в речи старого капельдинера, персонажа М. М. Зощенко: «...Кириллыч наш как рявкнет, как рявкнет, собачий хвост... В одну минуту доказал, что он за какой бас. Ну, только за минуту гордости потерпел — очень его матевировали и после службы поперли» [Зощенко 1986, 1: 149] (сам писатель заявлял: «Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица» [Зощенко 1986, 1: 539]). Ср. наблюдения Я. К. Грота над мещанской речью: «Полуграмотный класс любит без ... надобности щеголять» (Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1873. — цит. по: [Земская 1957: 21]).

Несколько более изощренной игра с заимствованными словами (точнее, здесь присутствуют и варваризмы) оказывается в устах другого литературного персонажа — Николая I — при посещении им таможи: «Экспедицъон офицель» [expedition officielle (франц.) — официальная посылка; экспедиция — отделение почтамта], — сказал таможенный тихо. Ящички с такой надписью отправлялись на министерства, посольства и вскрытию не подлежали. Он [царь] посмотрел поверх должностных лиц, бесстрашно. «Expeditio — это вы, — сказал он, — officielle — это я. Вскрыть» [Тынянов 1973: 476].

Иногда совершенно нежелательная и непредусмотренная игра слов возникает вследствие низкокачественного перевода иноязычного текста, ср. чрезвычайно распространенное в книгах и фильмах авантюрно-детективного жанра «офицер полиции» (хотя *officer* или *police officer* в подобных случаях на языке оригинала означает лишь 'полицейский', т. е. относится к зарубежному коллеге того, кого в России именовали либо «рядовым милиции», либо попросту «милиционером», ныне же сделали обладателем высокого звания *полицейский*).

Сегодня среди штампов, играющих заметную роль в процессе мифологизации окружающей действительности, к числу самых активных принадлежат следующие: *ситуация под контролем*; *взять (брать) ситуацию под (чей-л) контроль*; *контролировать ситуацию*; *выйти из-под контроля* и под.

Если в русском языке издавна привычными для его носителей являются существительное *контроль* (заимствованное, вероятно, из французского) со значением 'проверка, наблюдение с целью проверки' и производный от него глагол *контролировать* — 'подвергать контролю, проверять', то в английском языке *control* прежде всего 'управление, руководство'; 'власть' и

под. По-видимому, в последние годы многие примеры употребления сочетаний *контролировать ситуацию*, *взять ситуацию под контроль* и т. п. являются неполными (частичными) кальками английских выражений вроде *to take control of the situation*, подразумевающих именно власть над происходящим, способность полностью и безраздельно управлять событиями, направляя их по своему усмотрению (типичные случаи такого использования: *Снегопад вышел из-под контроля*. В Красноярске снег идет уже неделю. Завалены улицы... [Новости // ТВК. 28.11.2009]; *Овны... „Всё под контролем“ — вот ваш девиз!* [Гороскоп // РТР. 10.11.2009]).

Одной из причин внутренней противоречивости, смысловой невнятицы, бессодержательности сегодняшних высказываний, включающих сочетания *контролировать ситуацию*, *взять ситуацию под контроль*, *ситуация под контролем* и подобные, очевидно, является неразличение давнего и хорошо освоенного заимствования, с одной стороны, и современной неполной кальки — с другой. Такие устойчивые сочетания можно рассматривать и как один из многих штампов, вошедших в активное употребление не в последнюю очередь под влиянием синхронных переводов с английского. При использовании подобных выражений говорящий пытается имитировать слышанные им иноязычные («цивилизованные») образцы, вряд ли заботясь о смысловой точности высказывания, которое оказывается поэтому семантически неполноценным и коммуникативно малоприспособленным (подробнее см.: [Васильев 2003: 135—146]).

Примеры, демонстрирующие смысловую неадекватность (преднамеренную или нет — уже другой вопрос) употребления выражений вроде *контролировать ситуацию*, *контроль ситуации*, *взять ситуацию под контроль* и т. п., иллюстрируют еще один интересный лексикологический феномен, а именно приобретение давно заимствованным словом новой семантики под влиянием родственного языкопервоисточнику языка, позиции которого в современном мире стали доминирующими и который оказывает наиболее заметное влияние на русский (прежде всего на его лексику и характер ее употребления). То, что в результате подобных дискурсивных упражнений аудитория становится дезориентированной относительно интенции высказывания (кто-то то ли отстраненно наблюдает за ходом событий, то ли полновластно управляет их развитием), в конечном счете теперь уже можно не считать принципиально важным: штамп успел прочно закрепиться, и не только в российском публичном официозе. Сегодня мы встречаемся с гораздо более опасными (без преувеличения!) изощренными двусмысленностями манипулятивного свойства, также основанными на подмене базовой семантики давнего лексического заимство-

вания подновленной — с помощью выдвижения одного из его периферийных и прежде редко использовавшихся значений на первый план. В таких случаях очевидно целенаправленно используются слова, одновременно и общеупотребительные, и — в другой своей ипостаси — являющиеся элементами сразу нескольких терминосистем.

Неоднократно отмечалось, что степень научной разработанности терминов ряда наук далека от совершенства. Конечно, терминосистемы используются именно соответствующими специалистами, однако во всеобщем коммуникативном обороте находятся многие элементы терминосистем, принадлежащие одновременно нескольким научным дисциплинам. Подобные лексемы и устойчивые словосочетания зачастую становятся знакомыми широкой аудитории в основном через так называемые средства массовой информации. С одной стороны, таким образом СМИ выполняют просветительскую функцию, с другой, — исполняя волю своих хозяев, как обычно, манипулируют общественным и индивидуальным сознанием. Чаще всего это происходит за счет внедрения слов и словесных микроблоков, лишенных пропагандистами сколько-нибудь определенного значения (например, *перестройка*, *программа российских реформ*, *новое мышление*, *общечеловеческие ценности*, *правовое государство* и т. п.): иногда используется исконно русская лексика, иногда — заимствования, а также кальки и полукальки. Во многих случаях они употребляются не только без учета их истинной семантики и устоявшейся прагматики, но откровенно вопреки им, что объясняется задаваемыми идеолого-пропагандистскими установками. Так, например, в определенный период российские СМИ «Гайдара и его политическое окружение стали называть „неоконсерваторами“ — по аналогии с американскими президентами Р. Рейганом, Дж. Бушем и британским премьер-министром М. Тэтчер... Такое терминологическое калькирование западных социально-политических идеологем применительно к российской действительности явилось, мягко говоря, очень некорректным, поскольку речь шла о принципиально разных социальных мирах» [Шестаков 2005: 21]. С сугубо лингвистических позиций подобные феномены можно, конечно, рассматривать как частные факты интернационализации словарного состава языка, т. е. — в плане содержания — как примеры процесса выравнивания семантических структур лексем в контактирующих языках, превращения в понятийном плане лексических единиц из национальных в интернациональные [Дубичинский 1995: 6]. Однако следует учитывать, что такое нивелирование (особенно — применительно к социально-политической, экономической, юридической и некоторым другим терминосистемам) имеет весьма прозрачно выраженный характер: оно нацелено на трансформацию картины мира в массовом соз-

нании носителей языка-реципиента, направленную на восприятие реалий в аспектах, которые угодны заказчикам «идеологической музыки».

Одной из ключевых манипулятивных новаций в дискурсе российских СМИ последних лет стала активная неупорядоченность (по всей вероятности, инспирированная и управляемая) употребления слов *нация*, *национальный* и этимологически и морфологически родственных им. Несомненная эффективность этой серии вербально-манипулятивных операций во многом предreshается издавна нестрогой очерченностью семантики ряда лексем с заимствованным корнем в русском языке. При этом специалистами не раз предпринимались (и предпринимаются по сию пору) попытки заключить названные термины в жесткие рамки дефиниций. Эти попытки имеют давнюю историю. Так, «...тема национального самосознания и национальной проблематики в целом были одним из главных для философов „первой волны“ российской эмиграции. При этом принципиально важным моментом для них был пересмотр одного из понятий, играющих сейчас в науке и в жизни исключительную по своему значению роль. Это — понятие нации» [Базылев 2005: 6].

Важность точного дефинирования в данном случае подчеркивается тем, что обозначаемые терминами *нация*, *национальный*, *национальность* сущности и свойства являются разновидностями воплощений такого универсального понятия, как «граница», и многих связанных с ним феноменов. Ср.: «Сущность противопоставления — это именно сама линия и то, что к ней примыкает с одной стороны... Не в том дело, что у такого-то народа есть такой-то устойчивый признак культуры, а у соседнего или соседних его нет или он в чем-то видоизменен. Нет, именно само это отличие и составляет факт культуры... Глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница» [Поршнева 1973: 8, 12]. — «Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [Лотман 1996: 175].

Представляется целесообразным предварительно рассмотреть слова интересующей нас группы в диахроническом аспекте.

В качестве древнейшего первоисточника сущительного *нация* называют латинский язык, в котором «natio — ‘происхождение, род’ > ‘племя’, ‘народность’, ‘класс’, ‘сословие’, ‘каста’, ‘порода’ [корень тот же, что в nascor (<gnascor) ... natus sum, nasci — рождаться, происходить]» [Черных 1993, I: 562] (ср.: natio — 1) ‘рождение, происхождение, род’; 2) ‘племя, народность, народ или нация’; 3) ‘класс, сословие, каста, разряд, слой’; 4) ‘порода’; 5) ‘сорт’; 6) ‘языческие племена’ [Дворецкий 1976: 662]).

Слова этого корня начинают осваиваться русским языком в Петровскую эпоху [История лексики 1981: 66]. Еще в «Книге системы» Дм. Кантемира (1722 г.), текст которой насыщен заимствованиями, снабженными на полях глоссами, поясняется значение слова *нація* — ‘род’ [Веселитский 1972: 18], но уже в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» *нація* — ‘народ русский, немецкий, польский и прочая’ [Лекс. в. н. 375, н. XVIII в. — КДРС]. Эта лексема употребляется с первой половины XVIII в. в текстах широкого функционально-стилевого диапазона, от официально-деловых до литературно-художественных: *Португалія не въ состояніи была и есть и будетъ впредь, чтобы войну иметь противъ Франціи того для, что нація ихъ вся несклонна къ войне и ... склоннее къ французамъ, нежели къ другимъ* [А. К. V. Мем. 1711: 6]. *...Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна!.. Бьетъ челомъ шведской націи Петръ Брунатій...* [Мат. ист. АН, I: 240. 1727 г.]. *Ежели ваше благородіе далѣе во ономъ поступать изволите, то какъ здешней націи, такъ и иностраннымъ людямъ пріятнее будетъ* [Мат. ист. АН, I: 370. 1728 г.]. *Въ прежнюю перепись изъ церковниковъ Польской націи и изъ другихъ тому подобныхъ по желаніямъ ихъ, ... приписаны къ купецкимъ людямъ...* [Гр. указ. О крест. 1746 г., 119]. *...Увидевши она [принцесса] его [Аридеса] движение и признавая за иностранного человека, ... приказала спросить: какой онъ націи...* [Невидима. 236. 1789 г.] и др. [КДРС].

По-видимому, в это же время возникло в русском языке существительное *национальность*; его относят к незначительному числу новообразований на *-ость* [История лексики 1981: 165-166]; ср.: «...франц. *nationalité* передавалось как *национальность* еще писателями XVIII в.» [Сорокин 1965: 57].

Однако применительно к указанному периоду отмечают и некоторые семантические явления, сопутствовавшие освоению слов с корнем *нац-*, не являвшимися насуточно необходимыми для русского лексикона, в котором издревле укрепились обозначение *народ* и многие его производные. Благоприятной сферой бытования иноязычной по происхождению лексики (наряду с исконной) оказываются развивающиеся научные и другие терминосистемы: «Активизация слов в сфере отвлеченной лексики сопровождается их терминологизацией, в этих случаях также наблюдается вариантность и углубляющаяся дифференциация наименований. Данные явления охватывают разные и весьма широкие слою лексики. Эти слова социального и общественно-политического содержания: *народ, народный (общенародный, всенародный), народность; национальный, национальность*» [Веселитский 1972: 272].

Русская лексикография первой половины XIX в. не фиксирует сколько-нибудь заметных различий в значениях названных слов, обычно

используя одни из них для синонимического толкования других, ср.: «*нація* — ‘народ, племя, язык’. См. *сіи слова*» [САР₂, III 1814: 1257]; «*нація* — ‘народ, племя, язык’» [Сл. Соколова 1834: 1606]; «*национальный* — ‘народный’» [Сл. 1847] и т. п.

В то же время на употреблении указанных слов сказываются процессы, начавшиеся почти столетием ранее: «Заимствованные слова выражали еще такие оттенки понятия, что смысловое наполнение их и соответствующих им русских синонимов оказывалось всё же различным... Заимствованные слова, „удерживаясь вместе с оригинальными, — писал Белинский, — заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность и национальность*“» [Сорокин 1965: 57]. Ср. также ряд примеров [БКСО], в которых семантика слова *национальность* во многом определяется его конкретным контекстуальным окружением: *Национальность делает поэта и великим и ничтожным* (Белинск. Соч. VII, 169); *Вопрос о национальности в наше время так сильно поднят, .. узел этого вопроса в польском освобождении...* (Огарев. Избр. I, 539); *Разумеется, что, при такой обстановке, я был отчаянный патриот и собирался в полк; но исключительное чувство национальности никогда до добра не доводит* (Герцен. Былое и думы. Т. I. С. 17); *Есть ли какое-нибудь совокупное действие, которое не нашло бы себе оправдания в государственном единстве, в национальности* (Л. Толстой. Война и мир. Эпизод. ч. II, гл. VII); *У китайцев нет национальности, патриотизма и религии* (Гончаров. Фрегат «Паллада». т. II, гл. 6); *Черта национальности не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим характеристическим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок* (Ушинский. О наружности в общественном воспитании, 62).

Интересно, что представители некоторых социально-политических течений вкладывали в семантику использовавшихся ими терминов свои, авторские созначения, что вызывало и критические замечания: *Славянофилы нашли точку опоры в национальности, или, как они любили неправильно выражаться, в народности* (Михайловский. Письма о правде и неправде. III (IV, 439)) [БКСО]. Такая характерная семантизация, видимо, дала возможность сделать вывод о том, что «славянофилы употребляли слова *народ, народный* в смысле „нация“, „национальный“» [Дудзинская 1983: 37]. Впрочем, сходное мнение высказывает современный политолог: «...из всего контекста творчества славянофилов следует, что речь надо вести не о „социально-классовом“ понимании ими термина *народность* (в смысле „любви к простому народу“), а о соответствии славянофильского термина *народность* современному термину *национализм* (не путать с шовинизмом, ксенофобией)» [Шестаков 2005: 41].

В советской лексикографии сложилась определенная традиция толкования многозначных слов с интересующим нас корнем: на протяжении десятилетий компоненты их семантической структуры передаются по существу в одной и той же иерархической последовательности, без радикальных различий в дефинициях.

Так, в качестве первого (то есть главного, основного) значения лексемы *нация* выступает следующее: 'исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры' [СУ, II: 461]. Как показывает одна из цитат, иллюстрирующих данное значение, оно представляет собой слегка видоизмененное определение описываемого понятия, предложенное И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.) и с небольшими изменениями повторенное им в статье «Национальный вопрос и ленинизм» (1929 г., опубликована в 1949 г.) [Душенко 2006: 442]. Ср.: «*Нация* — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [СУ, II: 462]. Собственно, здесь учтены все ключевые категориальные признаки понятия, к тому же они логично ранжированы. Вероятно, это определение следует считать вполне объективным; по крайней мере, оно присутствует и в ряде позднейших академических толковых словарей русского языка, пусть и с незначительными вариациями: «*Нация* — 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, характеризующаяся общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада (проявляющегося в общности культуры)» [БАС₁ 1958, 7: 646]; «*Нация* — 1. Исторически складывающаяся на основе капиталистического или социалистического способов производства устойчивая общность людей, связанная с общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и форм быта» [МАС₂ 1982, II: 414] (возможно, в последнем толковании отразилась необходимость упомянуть о нациях, ставших таковыми лишь с победой социалистического строя; введение же в привычную формулировку существительного *людей* («общность людей») вряд ли было столь же обязательным). Вот еще дефиниция: «*Нация* — 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика» [ТСОШ: 398]. Здесь с давно известным («сталинским») определением различия тоже несущественны и состоят главным образом в синонимических заменах некоторых слов (хотя, пожалуй, примечательно присутствие термина «литературный»; согласно этому же словарю, *литературный язык* — «обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно

закрепленными нормами» [ТСОШ: 328], поэтому далеко не все владеющие общим для какой-либо территории национальным языком — общим для нее языком одной из наций, объединенных проживанием на данной территории, — могут с полным правом считать себя частью такой нации).

На второе место отечественные лексикографы разных исторических периодов (причем в некоторых случаях — с ограничительными пометами) выносят слово *нация* в ином значении — 'государство': «*Нация* — ... 2. п е р е н. государство (полит., дипл.). „Лига наций“. „Представитель дружественной нации“ [СУ, II: 462]; «*Нация* — ... 2. Государство» [БАС₁ 1958, 7: 646]; «*Нация*... 2. Государство, страна. „Представитель дружественной нации“. „Организация Объединенных Наций“ [МАС₂ 1982, II: 414]; «*Нация* ... 2. В некоторых сочетаниях: страна, государство». „Организация Объединенных Наций“ [ТСОШ : 398].

Вполне закономерно, что расположение частей словарных статей, посвященных производному от *нация* прилагательному *национальный*, в цитированных лексикографических изданиях во многом подобно иерархии значений производящего слова. Однако семантика деривата отнесена уже не ко второй, а к третьей по рангу позиции, что объясняется, вероятно, соответствующей степенью социальной востребованности каждого из значений.

Ср.: «*Национальный* — 1. П р и л. к *нация*. „Национальное единство“. „Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие“. Стлн. 2. Свойственный данной нации, выражающий ее характер. „Н. костюм“. „Н. дух“. ... 3. Государственный, принадлежащий данной стране. „Н. флаг“. „Н. гимн“. „Национальное имущество“. // Распространяющийся на государство в целом; в общегосударственном масштабе. „Национальная федерация профессиональных союзов во Франции“. „Н. рекорд“. 4. П р и л., по значению связанное с общественно-политической жизнью наций и их взаимоотношениями. „Национальное движение“. „Национальная политика“ ... 5. Принадлежащий к национальному меньшинству (н о в.). „Местное национальное население“. „Национальные районы“. *Национальное меньшинство* или *нацменьшинство* (п о л и т.) — национальность, представляющая по численности меньшинство в сравнении с основной массой населения в государстве» [СУ, II : 461].

Приведем еще дефиниции: «*Национальный* — 1. Относящийся к нации, народности, связанный с их общественно-политической жизнью, интересами. 2. Свойственный данной нации, народности, выражающий ее характер, особенности. 3. Государственный, принадлежащий данной стране. „Национальный флаг“. „Национальный гимн“. 4. Относящийся к отдельной (малочисленной) народности» [БАС₁ 1958, 7:

645]; «*Национальный* — 1. Относящийся к нации (в 1 знач.), национальности (в 1 знач.). „Национальный вопрос“. „Национальные особенности“. „Национальное движение“... 2. Выражающий характерные особенности какой-л. нации, национальности, свойственные какой-л. нации, национальности. „Национальная культура“ ... 3. Относящийся к отдельной, малочисленной национальности. „Национальный район“ [МАС₂ 1982, II: 413—414]. Иногда (очевидно, в связи с установкой на ограниченность объема словарной статьи) толкование этого прилагательного не приводится; ср. «*Национальный*. „Национальные интересы“. „Национальное равноправие“ [ТСОШ: 398] (возможно, в подобных случаях семантизация всё же была бы целесообразной).

Круг сочетаемости прилагательного *национальный* почти в каждом из его значений, представленных в [МАС₂], очерчен в соответствующем словаре: «*Национальный* — 1. Такой, который относится к общественно-политической жизни нации, связан с ее интересами: *политика, вопрос, движение, интересы, права, равноправие, привилегии, гнет, единство, целостность, обособленность, противоречия, самоопределение, самосознание*... 2. Такой, который принадлежит данной нации; выражающий характерные особенности какой-л. нации, свойственный ей: *культура, искусство, литература, театр, музыка, танец, дух, обычай, традиция, характер, особенность, самобытность, одежда, костюм, головной убор, украшения*... 3. Государственный: *гимн, флаг, суверенитет, доход, имущество, федерация чего-л. (бокса, легкой атлетики...), рынок, рекорд, музей, парк*...» [Сл. сочетаемости 1983: 309] (правда, здесь не приводится значение самого слова *нация* — в словнике данного издания оно отсутствует, — что несколько снижает информативность цитируемой статьи).

Интересно, что и в некоторых современных толковых словарях при указании активизации использования прилагательного *национальный* в значении 'относящийся к нации; связанный с отношениями между нациями' [ТССРЯ 2001: 499] не приводится значение производящего слова. Поэтому, хотя часть иллюстративного материала данной статьи явно относится к привычной семантике лексем *нация* и *национальный* („Там“ [в Узбекистане] они ощущают свое единство, соборность. И чем острее конфликты с местным населением [но ведь русские, проживавшие в Узбекистане, тоже были частью «местного населения»? — А. В.], тем ярче проявляется **национальное самосознание русских** и др.), пример устойчивого словосочетания *национальное примирение*, толкуемого как 'достижение, установление мира между нациями внутри государства', очевидно, не соответствует такой дефиниции: *Выбор даты [перезахоронения останков императора] должен символизировать **национальное примирение**, необходимое России после 1917 года*

[СС, 30. 09. 94 — 06. 10. 94] [ТССРЯ 2001: 499—500], — ведь и Октябрьская революция, и Гражданская война, насколько известно, в основном были конфликтами не межэтническими, а социальными.

Вероятно, заметную роль в недостаточно четком разграничении значений прилагательного *национальный* (определяемом иногда почти исключительно контекстом высказывания) сыграло и полисемичное существительное *национальность*. Это также можно наблюдать в ряде лексикографических изданий, фиксирующих в качестве первого (основного) значения совершенно аналогичное первому значению существительного *нация*. Например: «*Национальность* — 1. То же, что *нация*. „...Только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства“. Стлн. „Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей“. Конституция СССР. „В Советском Союзе все национальности равноправны“. „Пропаганда среди национальностей“. 2. Принадлежность к какой-л. нации. „По национальности русский“. „Установить н.“. 3. То же, что *народность* в 2 и 3 знач. „Н. искусства“ <ср.: *народность* — ... 2. Совокупность национальных черт, свойственных какому-л. народу. „Отстаивать свою н.“. 3. Степень соответствия кого-чего-н. с характерными свойствами народа. „Н. поэзии Пушкина“. — СУ, II: 414>. 4. Национальная обособленность, исключительность. „Отстаивать свою н.“. ... [СУ, II: 461] (заметим попутно, что, несмотря на идентичность речений-иллюстраций к знач. 2 лексемы *народность* и к знач. 4 *национальность*, коннотации толкуемых слов представлены как прямо противоположные: у первого из них оценочность мелиоративная, у второго — пейоративная).

Со временем в словарях у существительного *национальность* меняются и иерархия, и некоторые формулировки значений, и само их количество. Ср.: «*Национальность* — 1. То же, что *нация, народность*. 2. Принадлежность к какой-л. нации, народности. „Русский по национальности“. „Установить национальность“. 3. Национальная самобытность» [БАС₁ 1958, 7: 644]; «*Национальность* — 1. Принадлежность к какой-либо нации, народности. „Люди разных национальностей“. „Русский по национальности“. 2. То же, что *нация* (в 1 знач.) [МАС₂ 1982, II : 389]; (здесь *народность* в 1 знач. — «исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации» [МАС₂ 1982, II : 413]).

О характере использования прилагательного *национальный* в текстах официальных документов (в том числе законодательных актов) следует сказать особо. Приведем только некоторые примеры; как и ряд других, демонстрируемые явления рудиментарно сохраняют специфические черты употребления лексики об-

щественно-политической сферы недавнего прошлого. Справедливо было замечено, что «в советскую эпоху... в таких словосочетаниях, как „национальная школа“, „национальные языки“, „национальная литература“, определение „национальный“ имело значение „нерусский“ — ср. там же: «...„современный латышский рассказ“ — но не „современный русский рассказ“» [Гербик 1997: 29 и далее]. Подобную квалификацию следует считать не самой полезной и плодотворной частью советского наследия (ср.: «Неловко вспоминать, как я предлагал Саше Вампилову для более быстрого прохождения „Утиной охоты“ провести ее по разряду „пьес национальных авторов“. Он немедленно отказался и, наверное, был уязвлен. Он считал себя русским писателем, был кровно связан с русской литературой, и любая снисходительность [т. е. преимущества, которыми обладали в СССР для карьерного роста и обретения высокого социального статуса представители иных национальностей, в том числе в области художественного творчества. — А. В.] ему была не нужна» [Ефремов 1982: 623]).

Эти любопытные терминологические традиции весьма устойчивы и до сих пор, например в лингвистике. Ср.: «русские и национальные деятели», «национальные и русские школы», «национально ориентированная (явно имеется в виду „не русская“ — А. В.) интеллигенция», по-иному, видимо, названная как «национальная интеллигенция» [Алпатов 2003: 22—24]. Известно, что «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61] и что «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43]. «Поневоле», таким образом, складывается впечатление, что русские — не национальные («безнациональные») и русский — всего лишь синоним (эвфемизм? псевдозэвфемизм?) к слову *безнациональный*.

То же самое наблюдаем в текстах документов, официально регламентирующих российскую языковую политику. Например, в первой федеральной целевой программе «Русский язык» на 1996—1997 гг.: *...стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия* (эта же формулировка присутствует и в федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002—2005 гг.). Одним из впечатляющих образчиков российского официозного новояза можно считать следующий пассаж из той же программы на 1996—1997 гг.: «Распространение русского языка в мире отвечает национальным и государственным интересам Российской Федерации». Загадочность тезиса определяется прежде всего тем, что даже искусственный читатель подобных многозначительных документов вряд ли сможет уяснить, какой именно смысл вкладывают составители-языкостворцы в прилагательное *национальный*. Если обновленно-глобалистский (эватический), то

уже совсем непонятно разграничение *национального* — и *государственного*.

Занятно, между прочим, что в федеральной целевой программе «Русский язык (2006—2010)» среди прочих негативных явлений упоминается «ослабление национальной самоидентификации россиян». Хотя, согласно действующей конституции, каждый вправе указывать свою национальность (ч. 1 ст. 26), из паспортов граждан РФ соответствующая графа удалена. При этом, как известно, *россияне* — вовсе не нация (то есть не народ, не этнос), *россияне* — «жители, уроженцы России; граждане России» [ТССРЯ 2001: 680]; из приведенной дефиниции следует, что это представители самых разных национальностей, и никакой «национальной самоидентификации», общей для них всех в этом статусе, быть попросту не может (подробнее см.: [Васильев 2008: 150]).

В документе «Концепция очередного этапа реформирования системы образования» (М., 1997), содержащем примерно в равных пропорциях благоглупости и подлинно зловредные предложения (большая часть этого реформаторского, а точнее деструктивного вздора уже в том или ином виде реализована), прилагательное *национальный* употреблено неоднократно — и каждый раз в «обновленном» значении. Здесь фигурируют и «национальная система контроля качества образования» (с. 17), и «программа приоритетной поддержки ведущих вузов России, составляющих ее национальное достояние» (с. 25), и «формирование национальной образовательной политики» (с. 31). Особенный интерес, конечно, вызвало «национальное тестирование» (с. 6, 16) — в то время эта замечательная формулировка породила предположения даже о проверке на расовую (этническую, национальную) принадлежность учащихся.

Следует сказать также, что и бывшее ранее первым и основным значение прилагательного *национальный* недавно довольно интересным образом обыгрывалось в соответствии с целями некоторых региональных политиков с получением некоей семантической контаминации.

Замечено, что «понятие полной независимости государства от других государств подменяется понятием *национального суверенитета*, т. е. представлением об особых правах титульной нации» [Колесов 2004: 202]. Совершенно естественно (но, конечно, вовсе не с точки зрения сохранения государственно-территориальной целостности России) введение формулировки *суверенные республики в составе Российской Федерации*, примененной и в наименовании, и в тексте Федеративного договора от 31. 03. 1992 г.: «Поскольку в точном терминологическом смысле *суверенитет* предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, постольку и эта формула поддержала декларации республик об их абсолютной внешней самостоятельности. Между тем все они находятся в

составе Российской Федерации, соучаствуют в решении федеральных проблем и самостоятельны только в своих внутренних делах, т. е. в том, что отнесено к их ведению» [Губаева 2004: 56]. И «несмотря на то, что Конституционный Суд РФ признал положения о суверенитете республик в составе Российской Федерации неконституционными и не подлежащими применению, пока еще нельзя утверждать, что „эксперименты“ региональных законодателей с термином *суверенитет* завершились» [Губаева 2004: 58 и далее].

Неоднократно отмечалось, что для представителей некоторых научных дисциплин, традиционно именуемых «общественными», смешение значений слова *нация* уже стало почти привычным и само собой разумеющимся: «Зачастую, особенно политологи и культурологи, пренебрегают различиями, которые установились между значениями слова *нация*, не разводят, как говорят логики, понятия, обозначаемые одним словом, совмещая в нем два смысла — *нация* как этнокультурная общность и как государственно-гражданская общность» [Сидельников 2001: 190] (см. также: [Фролов 2005а: 485]). Добавим, что то же самое относится и к использованию многочисленными гуманитариями прилагательного *национальный*.

Подобную чуть ли не нарочитую путаницу (лишь единожды прореженную и разбавленную пояснением) находим в весьма характерной публикации такого рода: *Опасность [для развития социальной системы] возникает тогда, когда некая частичная [партийная] идеология объявляется национальной (государственной) ... Обеспечить доступ каждого к опыту нации и человечества... Обеспечить доступ к национальной культуре каждому индивиду с минимальными затратами времени и средств. Требовалось найти форму, которая может быть для этого предъявлена каждому в качестве пропуска в национальную культуру ... Хранилищем национального сознания и национальной культуры вполне справедливо считался [?!] язык ... Язык демонстрирует не только неисчерпаемое богатство национальной культуры ... Блестящий пример конструктивного взаимодействия государства и национальной интеллигенции... Участие государства в формировании национальной идеологии и т. п.; в довершение ко всей невнятице цитируемая статья называется «Национальная идеология и язык» [Мирский 1999: 105—107]. Однако возможно и то, что эта национальная головоломка играет роль некоего отвлекающего маневра, скрывая главную задачу статьи: в связи с принятием закона о свободе совести, «где были провозглашены четыре государственные конфессии в нашей стране», автор «хотел бы обратить внимание, что ... у трех из четырех — иудаизма, ислама, буддизма, — отсутствуют канонические тексты на любом языке Российской Федерации» [Мирский*

1999: 108]. Действительно, вот уж досадное упущение для Российской Федерации как светского государства, в котором «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция РФ, ст. 14]. Кстати, и в федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (№ 125 ФЗ от 25.09.1997), на который ссылается цитируемый автор, сказано буквально следующее: *...уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...*, — но, конечно же, вовсе не говорится о «провозглашении четырех государственных конфессий». Вероятно, и эта манипуляция не случайна.

Странное (вроде бы) непонимание семантических различий между русским *национальный* и английским *national* обнаруживается, например, в следующем пассаже: «Экспертами ЮНЕСКО в 1953 году было рекомендовано разграничить понятия „национальный язык“ (*national language*) и „официальный язык“ (*official language*)» [Бердашkevич 2000: 28]. В то же время предпринимаются активные попытки акцентировать и сделать приоритетным именно последнее значение, исходя из ориентации на идеальные с чьей-то точки зрения образцы. Таковы, например, лингвистические суждения политолога, как будто стремящегося к установлению истины, т. е. — в данном случае — выступающего за введение адекватности «отечественных версий [терминов] исходным [иноязычным]», поскольку семантические их (отечественных) наполнения чрезвычайно различны: *Так, нация и национальность упрямо^[1] связываются в отечественном политическом дискурсе с кровно-родственным происхождением, тогда как исходная [непонятно, какая именно. — А. В.] версия концептуализирует „порождение“ как связь с территорией [?!]. Поэтому [!] одним из важнейших критериев принадлежности к нации является место рождения. Всякому родившемуся на территории США гарантируется предоставление американского гражданства. Соответственно, понятие национальности в англосаксонской культуре объединяет более конкретные гражданство и подданство. А термин **национал (national)** служит для обозначения не этнического меньшинства, а одновременно граждан и подданных. Вместо того, чтобы говорить „граждане США и британские подданные“, можно просто [!] сказать — „американские и британские националы“* [Ильин 1994: 131].

Любопытны по крайней мере некоторые умозаключения и предложения цитируемого автора. Несомненно, что «смысловая „целина“ заимствуемого слова [точнее, непроницаемость его внутренней формы для носителя языка-реципиента. — А. В.] создает предпосылки для его дерационализации, мифологизации» [Ильин

1994: 131] (хотя то же происходило и происходит с исконными словами — *перестройка, общечеловеческие ценности, правовое государство, гражданское общество* и т. п., — также служившими и служащими мифологизации, и политолог здесь по сути лишь предлагает новые мифогены). Однако чересчур смелой и вряд ли продуктивной следует считать попытку «вычленения *национальных* вариантов политических понятий, получивших международное хождение», что «потребует самостоятельного и очень скрупулезного анализа ... понятий, выражаемых созвучным вербальным знаком, восходящим к греческому первоисточнику»; для этого «нужен самостоятельный компаративный анализ национальных политических феноменов», а это, в свою очередь, «по силам только большому международному коллективу» [Ильин 1994: 132] (недифференцированность значений слова *национальный* — удачный фон и предлог для передачи вопросов собственной терминологии, как и российской экономики, в ведение очередных зарубежных консультантов).

Следовало бы также напомнить, что попытки ввести в широкий коммуникативный оборот существительное *национал* (ж. *националка*) уже имели место, но советской нормативной лексикографией оно к употреблению не рекомендовалось (по-видимому, как унижительное и даже оскорбительное по отношению к именуемым так людям). Ср.: «*национал* (простореч.). Употр. неправ. для названия лиц коренного населения национальных республик и областей» [СУ, II: 460]; «*национал* — разг. Неправильное название лиц коренного населения национальных республик и областей» [БАС₁, 7, 1958: 642]. Впрочем, кажется, так и осталось неизвестным, многие ли сограждане с восторгом приняли бы перспективу именоваться, например, *россиянскими националами* — наподобие жителей «цивилизованных» США и Британии.

Вполне объяснимо, что и лингвисты не раз обращались к вариантам семантизации слов интересующего нас корня и к толкованиям обозначаемых ими понятий. Иногда это делается в целях дополнительного пропагандистского обеспечения популяризируемых идеологических установок. Например, автор учебного пособия для будущих российских филологов, историков, культурологов, философов, теологов, социальных психологов заявляет: «В последние [после «первобытно-общинной поры»] эпохи этничность (национальность) становится социокультурным измерением человека или группы людей, причем, согласно современному пониманию прав человека, национальное самоопределение индивида является его личным делом» [Мечковская 1998: 8]. Конечно, понятно стремление следовать моде (а, по точному суждению О. Н. Трубочёва, «моды в науке ах как сильны, и устоять против них бывает трудно и зрелым мужам науки, о женах я уж не говорю» [Трубочёв 2004: 162]), но по крайней мере для

студентов-гуманитариев надо было бы четко объяснить, что такое «современное понимание прав человека», а также кем именно оно инициировано и распространяется. Далее обращаются к авторитетам: «Замечательный языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ, демократ и защитник прав национальных меньшинств, еще в 1913 г. писал, что „вопрос о национальной принадлежности решается ... каждым сознательным человеком в отдельности“; „в области национальности без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда“; „вполне возможна сознательная... принадлежность к двум и более национальностям или же полная безнациональность, точнее, вненациональность, наподобие безвероисповедности или невероисповедности“» [Там же]. Понятно, что оценка лингвиста как «демократа и защитника прав национальных меньшинств» в чьих-то глазах является решающей и в высшей степени мелиоративной, чуть ли не дифирамбической, хотя названные качества, скорее всего, следствие некоторых лично-биографических обстоятельств цитируемого языковеда. Содержащийся же в этих трудах вариант решения национального вопроса сегодня несомненно симпатичен тем, кому близки идеи глобализации и у кого, как правило, есть про запас так называемая историческая родина, так что им временная безнациональность (вненациональность) более чем кстати, как и «принадлежность к двум и более национальностям». Понятно и то, кем поощряются подобные подходы: рукопись данного учебного пособия участвовала (несомненно, успешно) «в Открытом конкурсе учебных книг, проведенном Программой Белорусского фонда Сороса „Обновление гуманитарного образования“» [Мечковская 1998: 6].

Академик О. Н. Трубочёв, как известно, хорошо разбиравшийся не только в сфере своих профессиональных интересов, последовательно и оправданно понимал и применял термин *нация* прежде всего именно как обозначение этнокультурной общности. Анализ некоторых политтехнологических плетений словес позволил выдающемуся специалисту по этногенезу славян обоснованно утверждать, что «под прицел критики взята идея *национального* государства как якобы себя изжившая, муссируется государство *наднациональное* — очередной миф, пусть и обращенный якобы в будущее. В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с *национальным* государственнообразованием ... Предположить, что наше русскоязычное общество до такой степени утратит свою русскость, что доверит бразды правления какому-то *наднациональному, транснациональному* корпоративному руководству, можно, думаю, только в дурном сне» [Трубочёв 2004: 184—185]. Заметим, увы, что и дурные сны могут сбываться... Ведь ответ на вопрос «Кто будут эти „варяги“ — мировая финансовая оли-

гархия или „малый народ“, по терминологии Шафаревича? Или — два в одном?» [Трубачёв 2004: 185] уже был дан самым недвусмысленным образом, когда правление Ельцина стало, по сути, царствованием «семибанкирщины» (впрочем, это только самое откровенное, наиболее известное российскому обществу проявление подлинной роли «новых кочевников»; после «дела Ходорковского» их операции не получают широкой огласки, которой наверняка не хотят очень многие и по веским причинам: недаром же Б. Обама в июле 2009 г. заявил, что якобы не столь важно, кто именно виноват в так называемом мировом финансовом кризисе).

Однако и сегодня лингвисты не оставляют попыток разобраться в сложной категории этничности и связанных с нею понятий. Так, И. А. Шастина, справедливо считая раскрытие сущности феноменов «этнос», «этничность», «этническая идентичность» классической терминологической проблемой этнонауки [Шастина 2009: 4], видит главную трудность исследования этнонимов в размытости границ феномена *этничности*, а также в неопределенности сущности, дифференциальных признаков и функций таких феноменов, как *этнос*, *нация* [Шастина 2009: 10]; автор доказывает, что «основная функция этничности сводится к ориентированию человека в социокультурной „системе координат“ благодаря свойству пластичности — способности подвергаться временным и ситуативным трансформациям; этноцентризм представляет собой форму естественной реакции человека на неизвестное и есть проявление инстинкта самосохранения на уровне вида» [Шастина 2009: 13—14]. Кстати, небезынтересно также, что, при всеобъемлющем давлении политкорректности на ее исторической родине, «в сообществах иммигрантов [США] наблюдается стремление к сохранению этнической самобытности; этничность является важной эгоцентрической категорией для американцев любого возраста и этнической принадлежности» [Шастина 2009: 15].

Верность этих данных подтверждается многими свидетельствами. Например, ученый-гуманитарий, доцент МГУ О. Зацепина, последние шесть лет живущая в Нью-Йорке, сообщает: «Теорию плавильного котла^[2] запустили в 30-е годы [в США], но если она сработала, то не совсем так, как предполагали ее создатели. Американцы стали терпимее к другим культурам, это правда. Но одновременно больше ценят собственную идентичность. В Америке никто не представляется как американец, там говорят: „Я — пуэрториканец, немец, ирландец, еврей, русский и пр.“. Люди осознали, что если человека что-то и выделяет, то в первую очередь культурная идентичность. Гордость своими национальными, этническими корнями очень характерна для современных американцев» [Лунина 2009: 91]. Отграничение по национальному признаку «чужих», вместе с тем оказываю-

щееся и основой объединения «своих», представлено следующим образом в романе американского писателя: *„Нет, — печально возразил старик, — рыба с Мертвого моря для них недостаточно мертвая... Такая еда годится только для несчастных христиан“. Это упоминание об иноплеменниках, в котором сквозила пренебрежительная усмешка, как-то особенно соединило всех троих, и внезапно они предстали в новом свете. На губах старика играла чуть заметная умная и холодная улыбка, а женщины веселились безмерно, и все они отлично понимали друг друга. И теперь видно было, что они по-настоящему заодно — дети древнего, одаренного, всезнающего племени, — и со стороны, отчужденно, с насмешливым презрением глядят на темных и невежественных людей иной, низшей породы, не причастных к их познаниям, не отмеченных той же печатью* [Вулф 1982: 233].

Именно трудноразличимость (к тому же еще и стимулируемая) семантических границ между разными значениями терминов *нация*, *национальность*, *национальный* позволяет политтехнологам, пропагандистам и попросту платным либо бесплатным распространителям их установок (нельзя, впрочем, исключать и наличие трансляторов, искренне уверенных в истинности внушенного им, — в юридической терминологии подобные лица обозначаются как «добросовестные приобретатели») использовать смысловую диффузность таким образом, чтобы аудитория оказалась окончательно дезориентированной в отношении категории этничности, в том числе своей собственной.

Иногда слово *нация* используется в привычном значении, хотя денотаты в таких случаях оказываются довольно интересными: *Президент Леннарт Мери отличился неустанной борьбой за свободу своей нации. ... Французский журнал назвал его „Европейцем года“ — это звание присваивается за поддержку европейской самобытности* [комментарий к информации о возможном закрытии русских школ в Эстонии из-за отсутствия их госбюджетного финансирования. — М. Кривцова // Доброе утро. ОРТ. 28.12.1998]. По-видимому, здесь речь идет об эстонцах как нации; ср.: *«эстонцы* (самоназв. — ээстласед), *нация*, *осн. нас. Эст. ССР (948 т. ч.)...»* [СЭС 1983: 1553], попытки же обретения ею государственности начались лишь после октября 1917 г. [Там же] и увенчались окончательным успехом вследствие активных усилий, в том числе тех же эстонцев, по развалу Советского Союза.

Можно предполагать, что этнический компонент является ведущим и в названии некоего очага культуры (*Евгений Миронов — художественный руководитель „Театра наций“* [Лучшие из лучших // RenTV. 03.02.2007]), и в запоздало прозорливом высказывании (*...Как будто кто-то сознательно или бессознательно пытается привить нам комплекс нации неудач-*

ников [А. Пиманов // Человек и закон. ОРТ. 03.02.2005]). В других же случаях понятие наполнение слова *нация* оказывается весьма расплывчатым: *И среди евреев есть антисемиты... Писатель Эдуард Тополь в 1998 году призвал олигархов не позорить нацию* [Неделя // RenTV. 30.01.2005]. *Международный [это понятно. — А. В.] день цыган... Восемнадцатимиллионная цыганская нация [последнее словосочетание употреблено здесь трижды. — А. В.] ... Нет памятника цыганам — жертвам холокоста* [24 // RenTV. 09.04.2006]. Последнее слово в этой цитате — активно популяризируемое заимствование *холокост* (англ. *holocaust* — 1) 'целиком сжигаемая жертва, всеожжение'; 2) перен. 'уничтожение, гибель'). Хотя изредка и вскользь пока еще всё-таки упоминают, что в результате гитлеровской оккупации и геноцида «погибли не только евреи — десятки и сотни тысяч другой национальности» [А. Гербер, президент научно-просветительского центра «Холокост» // РТР. 04.05.1997], но показательное следующее заявление: «Всё более привычным становится слово *холокост*, а ведь славян было уничтожено почти в пять раз больше — 27 миллионов... Специального термина, обозначающего уничтожение славянских народов, пока не придумано» [Катастрофы недели // ТВ-6. 08.05.2000] («евреи — *нация*, которая нескромна по отношению к своим страданиям» [Есин 2002: 252]; по поводу последней этнической категоризации см., впрочем, ранее принятое: «евреи — общее этническое название *народностей*, исторически восходящих к древним евреям» [СЭС 1983: 422], т. е. они не квалифицируются как собственно *нация*).

По всей вероятности, замысел применить к значительной части бывшего советского народа именование *нация* (к тому же лишённое какой бы то ни было подлинно национальной — этнической — ориентации), замысел, который начали реализовать еще в правление Ельцина (видимо, по рекомендациям его безнациональных советников), — это одна из многих попыток наложить на внутророссийскую ситуацию чужеродный иноземный трафарет в глобалистском духе. В меньшей степени это и желание уподобиться Старшему Брату, и уведомление (*мессидж*) об этом для него же (дескать, у нас тоже всё, как у больших!). Ср.: *Президент Буш обратился к нации... — Для Бориса Николаевича роль лидера нации была смыслом жизни* [Новости // ОРТ. 14.03.2002]; также: *Как [нововведенный] День народного единства стал днем единства нации... Через какое-то время он станет общенародным праздником* [Край // Енисей-регион. 05.11.2007]; *Центр здоровья нации* [Территория здоровья // Афонтово. 15.09.2008]; *Знала ли новейшая российская история пример такого единения нации?* [после спортивных побед РФ в 2008 г. — Вести недели // РТР. 28.12.2008] и т. п.

Одновременно активно насаждается прилагательное *национальный* с обновленной семантикой, причем зачастую и в упоминаниях о событиях советской эпохи: *Модернизация системы национальной безопасности* [Вести // РТР. 29.10.2002]; *В СССР путч [в Чили] и убийство президента Альенде были восприняты как национальная трагедия* [Новости // ОРТ. 11.09.2003]; *Национальная спортивная премия „Слава“* [Утренний разговор // РТР. 04.05.2003]; *Ежегодная национальная музыкальная премия* [Прима ТВ // 30.08.2003]; *Национальная театральная премия „Золотая маска“* [РТР // 06.04.2005]; *Российские дипломаты, прорывавшиеся в Ираке под выстрелами американских войск, были встречены в Москве как национальные герои* [И. Прокопенко. Военная тайна // Ren-TV. 21.09.2003]; *После битвы за Москву Жуков стал национальным героем России* [понятно, что имеется в виду, конечно, не Россия, но СССР; очевидно, метонимия здесь объясняется не только иноязычным и чужеродным влиянием, но и табуизацией именованного прежнего государства в российском теледискурсе. — Великий полководец Г. К. Жуков // ОРТ. 23.02.2005]; *Национальный договор о приватизации* [Времена // ОРТ. 19.06.2005]; *Через два года в Мытищинском районе будет воздвигнута национальное мемориальное кладбище...* [по-видимому, как своеобразный реформаторский вариант советских почетных захоронений у Кремлевской стены] *Потребуется три миллиарда рублей* [24 // RenTV. 23.04.2008]; *Этот центр [в Кабардино-Балкарии] стал первой национальной площадкой [в России], где установлена система грозорегистрации* [Вести // РТР. 03.06.2009]. *Национальный перевозчик [«Аэрофлот»] увеличивает частоту рейсов* [Новости // 7к. 29.08.2008]; *„Аэрофлот“ — главный национальный перевозчик России* [Новости // Звезда. 15.03.2010]; *Подготовлен проект национальной стратегии противодействия коррупции* [Сегодня // НТВ. 07.04.2010]^[3]. *„Газпром“ — национальное достояние* [этот слоган на российских телеэкранах — примерно с лета 2010 г.; красноярская «бизнес-элита» предложила нечто созвучное и, кажется, более корректное: «Ванкорнефть» — наше достояние] и т. п.

С началом осуществления так называемых *национальных* проектов такое использование прилагательного *национальный* естественным образом активизировалось: *Здоровье — это национальное достояние* [П. Пимашков]. *Неудовлетворительное выполнение [национального] проекта «Жилье» становится национальным позором* [вице-премьер РФ Д. Медведев. Реальная политика // НТВ. 04.03.2006]. Как и во многих случаях, продемонстрировали свою компетентность журналисты: *В России сейчас внедряется программа национального здоровья* [Е. Цесарская. Полседьмого // Афонтово. 29.02.2007] и др.

Стало употребительным и прилагательное **общенациональный**: *Новая мегакомпания „Российские железные дороги“ станет общенациональной корпорацией* [Новости. Афонтово. 11.02.03]; *Освоение целины — крупнейший общенациональный проект [в СССР!]. ... Был такой общегосударственный подъем* [Встреча В. Путина с первоцелинниками. Вести // РТР. 11.03.2004]; **Общенациональный** прогул в первую декаду января [имеются в виду так называемые Рождественские каникулы. — Г. Онищенко, гл. санитарный врач РФ // Вести. РТР. 03.02.2005] и др.

Употребление определения **национальный** в значении, ранее столь привычном, встречается относительно редко: *Фестиваль национальной культуры в Санкт-Петербурге... Вернуть интерес к национальному творчеству* [Новости // ОРТ. 07.09.2003]. Гораздо более распространены такие случаи использования, в которых довольно явны контаминации структурно-семантических элементов: *Решение о сдаче крови национальные лидеры [т. е. предводители так называемых национальных общин Красноярского края. — А. В.] приняли накануне* [Новости // Прима ТВ. 09.09.2004]; *Любой бунт, тем более бунт национальный [т. е. определенной этнической группы. — А. В.], — конечно, угроза нашей стране* [А. Клешко // ТВК. 24.10.2006]; *...Около ста нападений на национальной почве* [Неделя // Rep-TV. 29.04.2006]; **Общенациональное** [!] шествие по проспекту Мира [в г. Красноярске]... *Представители национальных общин...* [Новости // Прима ТВ. 20.10.2006] и т. п. Близок к приведенным следующий контекст: *Сохранение национальной и культурной идентичности* [В. Путин. Прямая линия // ОРТ. 18.12.2003].

Такие смысловые контаминации уже сами по себе являются примерами политизированных игр в слова, ср.: *Этот день [похорон погибших при пожаре] в Республике Тыва объявлен днем национального траура* [Вести // РТР. 08.04.2003]; *Национальная вещательная компания „Саха“ [в Якутии]* [Вести // РТР. 14.03.2003]; *В Израиле утверждено правительство национального единства* [Новости // ОРТ. 11.01.2005]; *Марк Бернес ... был действительно национальным героем России, но не всем это нравилось* [Е. Евтушенко // РТР. 25.01.2007]; *Почему студенческие драки [в России] стали национальной проблемой?* [сюжет о межэтнических конфликтах в российских вузах. — Неделя // Rep TV. 06.12.08] и т. п.

Путаница, вносимая в сознание телеаудитории, усугубляется время от времени и подчеркнутым разграничением между **национальным** и **государственным**, ср.: *Владимир Зорин — министр Российской Федерации по реализации государственной национальной политики* [Время. ОРТ. 11.11.03] (именно тот персонаж, который, будучи председателем комитета по делам **национальностей** Госдумы,

весьма активно призывал «избавиться от этого кошмара, который мы иногда сами на себя напускаем [при указании **национальности** гражданина в его документах; этого права формально не отнимает и ныне действующая конституция. — А. В.]); *...Пора [!] всем [!] становиться россиянами* [Мы // ОРТ. 07.12.1998] — и: *...Чтоб иностранка [польская актриса Б. Брыльска, выдвинутая на соискание Государственной премии СССР за роль в х/ф «Ирония судьбы»] получила национальную государственную премию СССР — это было невозможно* [Э. Рязанов. Ирония судьбы Барбары Брыльской // 1 к. 08.01.2007].

Использование сделанного «модным» слова **национальный** таким образом доходит до своего логического завершения, т. е. до полного абсурда: *Копка картофеля для красноярцев — своеобразный национальный обычай... Этот национальный обычай... На рынках цены на национальный продукт [т. е. картофель] пока кусаются* [Новости // ТВК. 03.09.2006]. И, наконец, апофеоз: *Теперь „сибиряк“ гордо воспринимается как национальность!* [дама — член Общественной палаты. Новости // 7 канал. 21.11.2007]. Естественным продолжением таких непомерно смелых деклараций становится оформленное в стиле современного российского постновояза новейшее этнографическое открытие, которое сделал заместитель главы города Красноярска: *Создав в родном городе межнациональное креативное пространство, на основе согласия и толерантности, выиграем все мы — люди одной национальности — красноярцы* [т. е. жители г. Красноярска]; кстати, и газетный материал, где опубликована эта замечательная информация, озаглавлен не менее впечатляюще: «Сибирская **диаспора**» [Ковальская А. Сибирская диаспора. **Национальность** — красноярцы // ГН. № 128. 28.08.2009. С. 7]. Видимо, не за горами уже и объявление особой **национальностью** совокупности жителей одного села или обитателей одного микрорайона, квартала и т. д. ...

Весьма симптоматично, что и собственно национальная принадлежность теперь определяется часто самым произвольным образом. Как справедливо замечено, «непонятно, почему Магомед Толбоев называет осетина Калоева [в полном соответствии с ключевым концептом закона гор — кровной мезью — убившего диспетчера швейцарской авиакомпании, из-за ошибки которого в 2002 г. пассажирский самолет «Башкирских авиалиний» столкнулся с грузовым «Боингом»; в числе погибших была семья Калоева] *настоящим мужиком с русским характером*. ... Наше время — это время смешения не только оценочных, но и национальных парадигм» [Гусар 2008: 35].

О целеустремленности этого смешения свидетельствует, в частности, заголовок репортажа в правительственной «Российской газе-

те»: «Кино без *национальности*. В Венеции всех [!] взбудоражило то, что в российском фильме [«Бумажный солдат» А. Германа-младшего] главную роль сыграл грузинский актер» [Кичин 2008: 27].

По мнению Ю. С. Сорокина, вектор семантической эволюции существительного *национальность* был аналогичен тому, по которому совершалось развитие семантики существительного *народность*: в 20-30-е гг. XIX в. «сложилось общее отвлеченное значение слова *народность*. С одной стороны, в абсолютном употреблении оно обозначало совокупность характерных свойств народа, с другой, в зависимом употреблении, — отражение этих характерных свойств в чем- или ком-либо... Но к середине века наметилось также и другое значение, не отмечаемое, впрочем, словарями XIX в., — значение собирательное, характеризующее исторически сложившуюся общность людей» [Сорокин 1965: 207]. Понятно, что сегодня «теоретическая разработка вопросов, связанных с проблемой национальной идентификации как фрагмента общественно-политического дискурса нынешнего тысячелетия, относится к комплексу задач по созданию научного инструментария исследований национальных отношений, которые являются сложнейшей сферой общественной жизни» [Базылев 2005:11].

Между прочим, богатую пищу для размышлений об этом предоставили данные, касающиеся некоторых базовых установок переписи населения РФ 2010 г., а именно — перечни национальностей и языков «уважаемых россиян» (см.: <http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/nationalnosti.doc>; <http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/yazyki.doc>). В первом из них перечислены, например, «затундренные крестьяне», «удмурты слободские», «крещеные» (а также «крещены» и «крещенцы»), «староверы», «мамоны», «фараоны», «папуасы» (и «папуасы хули»), «русские немцы», «ведороссы» (а еще «ведо-россы», «ведруссы», «кацапы» — а еще и «великороссы»; наряду с «украинцами» — и «хохлы»). Предусмотрено также наличие российских граждан и таких национальностей, как «афроамериканец», «афророссиянин», «гражданин мира», «житель Вселенной», «землянин», «иностранец», «советский», «интернационалист», «космополит» и т. п. Не менее интересно и приложение № 2, в котором, кроме языков «таджикского», «таджико-еврейского» и «таджикско-еврейского», фигурируют также «язык жестов», «язык пальцевый глухих», «язык пальцевый глухонемых», «язык русский глухих», «язык российский жестов» и т. п. Конечно же, упомянут здесь и фантастический «российский язык»...

Автор цитируемой статьи обоснованно полагает, что такое искусственное дробление вызвано во многом не устроившими кого-то результатами переписи 2002 г.: судя по ним, чис-

ленность государствообразующей нации — русских — составляет 80 %. А «согласно международной практике моноэтническим (национальным) государством считается государство, $\frac{2}{3}$ или более населения которого принадлежит одному этносу. О чем, кстати, в своих выступлениях говорил президент неправительственной организации „Дом свободы“ (основана в 1941 году) со штаб-квартирой в Вашингтоне Эдриан Каратничи. Т. е. Россия — моноэтническое государство. Это надо твердо усвоить» [Антонов 2006: 2].

Возможно, что квалификация сегодняшней РФ как «многонационального государства» является еще и некоей инерцией представлений, бытовавших в советскую эпоху — и, по всей вероятности, соответствовавших тогдашней реальности. Согласно переписи населения СССР 1982 г., численность населения страны составляла 268,8 миллиона человек, принадлежавших к более 100 нациям и народностям, из которых (по переписи 1979 г.) к русским относились 137 397 тыс. человек [СЭС 1983: 1246], т. е. приблизительно около половины жителей страны. Поэтому формулировка, открывавшая ст. 70 советской конституции: «Союз Советских Социалистических Республик — единое союзное многонациональное государство...», — была вполне правомерной.

Несомненно, динамика слова *национальность* взаимосвязана с динамикой однокоренных единиц *нация* и *национальный*. Конечно, их вряд ли можно отнести к числу так называемых «самых многозначных» в русском языке: таковыми считают «слова, имеющие в [MAC] не меньше семи номерных значений. Это „священное число“ семь было выбрано в соответствии с известными представлениями о емкости оперативной (быстродействующей, симулантной) памяти человека, равной $7+/-2$ » [Денисов 1984: 150]. С учетом анализа исторических судеб этих слов и характера их современного употребления можно предположить, что они не столько многозначны, как принято считать в соответствии с традиционно-лингвистическими установками, сколько синкретичны: каждое из них способно одновременно служить обозначением как минимум двух понятий, тесно связанных, но все-таки разных. Однако в сегодняшнем российском публичном дискурсе (по-видимому, под воздействием английских лексем *a nation* и *national*) укрепляется тенденция недифференцированного контекстуально использования существительного *нация* и прилагательного *национальный*. Нарастает семантическая диффузность, причем заметно, что не бывшие ранее главными и основными для русского языка значения этих слов (соответственно «государство» и «государственный») довольно уверенно выдвигаются в качестве доминирующих, и настолько, что в относительно недалеком будущем это вполне может послужить основанием для перераспределения в лексикографии пози-

ций компонентов иерархической структуры рассматриваемых слов.

Разумеется, в такой семантической эволюции нет ничего необычного для постоянно меняющегося живого языка — ведь «в самом языке как обособленной системе всегда заложены разные потенции, которые могут реализовываться одновременно и вступать в противоречие друг с другом» [Филин 1980: 9]. Кроме того, можно квалифицировать рус. *нация*/англ. *nation* и рус. *национальный*/англ. *national* как «лексические параллели», т. е. «совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания лексемы двух и более синхронически сравниваемых или контактирующих языков» [Дубичинский 1995: 4]. Но в данном случае небезынтересно и весьма симптоматично, что во многих речекommunikативных ситуациях осмысление (конечно, когда оно действительно имеется) говорящими и пишущими значений слов *нация* и *национальный* либо малорезультативно, либо свидетельствует об углубляющемся забвении их принадлежности к кругу собственно этнических понятий и укрепляющемся восприятии именовании понятий сугубо этатических, слабо ассоциируемых с категориями этничности, а следовательно, и определенной ментальности. Казалось бы, и это далеко не ново с учетом всё усиливающейся экспансии английского языка в его американском варианте: «При интенсификации языковых контактов ... устанавливается семантическое равновесие систем контактирующих языков, формируется выравнивание понятийных планов слов» [Дубичинский 1995: 13].

Однако рассмотренный пример обращает на себя внимание и потому, что «выравнивание» происходит в направлении если пока еще и не совершенного отказа от национальности (этнической принадлежности) как таковой, то, по крайней мере, резкого снижения ее традиционной и всегда актуальной для любого народа значимости. И это вполне объяснимо: «В результате глобального роста международных межправительственных организаций возникает феномен глобальной бюрократии, которая становится реальным проводником наднациональности» [Иванец, Червонюк 2003: 90]. Именно для глобальной бюрократии и тех, чьи интересы она представляет, защищает и навязывает поголовно («глобально») всем — под флагом, например, «общечеловеческих ценностей» — необходима и минимализация роли отдельного государства, прежде всего в вопросах экономической деятельности (транснациональным корпорациям нужен практически бесконтрольный доступ к эксплуатации чужеземных природных богатств и людских ресурсов). Достижение этой цели может быть затруднено естественным несогласием многих представителей государствообразующего народа (в России им является русский народ). Потому логично нивелировать его сначала до состояния некоей (на словах

гомогенной — вроде фантомного «российского народа») массы *населения*, а затем и перевести в статус «общечеловеков». Искоренение чувства национальной идентичности, в отличие от насаждения приснопамятного «пролетарского интернационализма», производится теперь пропагандой гораздо интенсивнее и чревато куда более серьезными последствиями.

Для обозначения лексико-фразеологических единиц, связанных с процессом глобализации, некоторые исследователи вводят термин «глобализм» [Денисова 2004]; в таких терминологических координатах итог игры со значениями слов *нация*, *национальный* можно определить как семантический глобализм. Характер их сегодняшнего употребления иллюстрирует известное положение: «Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне» [Лотман 1996: 45].

Время от времени в реформируемой России, ныне — демократическом правовом государстве, где «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (см. преамбулу и ч. 2 ст. 13 [Конституция РФ]), предпринимаются попытки совершенно искусственного, спекулятивного (прежде всего в научно-гуманитарном смысле этого слова) создания некоей «национальной идеи». Известны различные варианты воплощения этого грандиозного замысла; избрательность они, по-видимому, то ли с опорой на поговорку «И волки сыты, и овцы целы» (последние — вряд ли все, — конечно, в зависимости от насыщения первых), то ли на формулу «Отныне и навеки — мир, порядок и благолепие. Рабочие — к станкам, землеробы — к плугу! Чур, чур! — сгинь, красное наваждение!» [Толстой 1982, 1: 358].

Ср. ироническое осмысление современных модификаций подобных затей в устах персонажа писателя: „Короче, я тебе сейчас ситуацию просто объясню, на пальцах, — сказал Вовчик Малой — („непонятно было, отчего его называли ... малым, — он был мужчиной крупных размеров и изрядного возраста. Его лицо было типичной бандитской пельмениной невнятных очертаний, не вызывавшей, впрочем, особого отвращения“). — Наш **национальный** бизнес выходит на международную арену. А там крутятся всякие бабки — чеченские, американские, колумбийские... И если на них смотреть просто как на бабки, то они все одинаковые. Но за каждым бабками на самом деле стоит какая-то **национальная** идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно? ... Нам не хватает **национальной** и-ден-тич-

ности...“ *Последнее слово Вовчик выговорил по складам. „Задача простая, — сказал Вовчик. — Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу. Чтoб чисто реально было изложено, без зауми“* [Пелевин 1999: 175—176]. (Ср.: *Сводить всё к национальной идее „Новой России“ — это предсудительный анекдот, как будто новые русские вообще способны на какую-то национальную идею* [Трубачёв 2004: 188]). Следует также вспомнить о недавней кампании по созданию так называемых «национальных университетов» (затем, впрочем, переименованных почти столь же занятно — в «федеральные»; ср.: «*федеральный* — 1. Относящийся к федерации; общегосударственный. 2. Прил. к федерация» [ТССРЯ 2001: 810]; в соответствии с обыденной логикой, вуз с таким названием должен быть только один; однако затем всё же возникли и загадочные «национальные исследовательские институты») и об очень интересных с разных точек зрения «национальных проектах» («Здоровье», «Образование», «Жилье»).

Кстати, последние, как и их региональные аналоги, обычно (до возникновения так называемого мирового финансового кризиса в 2008 г.) российскими политиками и рептически-лояльными СМИ именовались «амбициозными», что, по-видимому, выражало наивысшую положительную оценку этих затей, финансируемых из госбюджета.

Напомним, однако: «*амбиция* — обостренное самолюбие, самомнение, спесь» [СИС 1979: 31]; «*амбиция* — обостренное самолюбие, чрезмерно преувеличенное чувство собственного достоинства» [МАС₂, I: 34]; «*амбиция* — чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-л.» [ТССРЯ 2001: 18]; «*амбициозный* — чрезмерно, обостренно самолюбивый» [МАС₂, I: 34]; «*амбициозность* — чрезмерное проявление чувства собственного достоинства, обостренное самолюбие; необоснованные претензии на что-либо» [ТССРЯ 2001: 18]. В свете этих дефиниций якобы несомненная мелиоративность прилагательного *амбициозный* совершенно необъяснима и заставляет усомниться в надлежащем профессионализме не только тружеников СМИ (в общем-то их уровень речевой культуры давно известен аудитории), но и референтов, спичрайтеров (т. е. речеписцев) и прочего обслуживающего персонала российских руководящих деятелей, готовящего тексты их публичных выступлений.

Невольно вспоминаются советские прототипы сегодняшних «проектов» (программа строительства коммунизма, продовольственная программа, «Каждой советской семье — квартиру к 2000 году!» и т. п.), заведомо обреченные на тот же успех и так и оставшиеся «проектами» в исконном смысле этого слова (т. е. замыслами), исторически почти моментально и

прочно забытыми. Кажется, уже с избранием очередного президента РФ в 2008 г. и о «национальных проектах» как будто не очень стараются вспоминать: прокукарекал, а там хоть не рассветай; эта пословица — довольно точная семантизация псевдокрасивого слова *амбициозность*.

Одна из причин (может быть, и не столь значимая, как причины организационного и финансового характера) малой успешности национальноидейных замыслов лежит в самой их номинации. Чуть ли не любой из вариантов вышеупомянутой идеи их изобретатели и разносчики именуют *российским*, возможно, имея в виду некий ореол державности, который должен освящать самый «проект». Ср. мнение заслуженного актера-демократа: *А. Н. Яковлев в книге „Сумерки“ сформулировал русскую, российскую национальную идею...: свобода, достаток, законность* [О. Басилашвили. Тем временем // Культура. 09.02.2004]. Не говоря уже о том, что доверять ренегатам, по меньшей мере, небезопасно (все равно что поставить экс-генерала КГБ О. Н. Калугина во главе того ведомства, в котором он служил официально), надо учесть, что «*российская идея*» (да еще и *национальная!*), равно как и упоминаемые всё чаще и настойчивее «*российский национальный менталитет*», «*российский народ*», даже «*российский язык*», как бы ни ласкали чей-то слух, — это совершенно не соотносимые с объективной реальностью пропагандистские фантамы-мифогены. Есть здесь определенная политехнологическая прееменность. Было ведь, например, всячески популяризуемым терминологизированное устойчивое словосочетание *советский народ*, и «это искусственное межнациональное понятие ушло вместе с обанкротившейся идеологией. В настоящее время его пытаются видоизменить в понятие „*российский народ*“, которого в природе не существует» [Фролов 2005б: 505—506].

При этом, если исходить из «архаичного» теперь значения слова *нация* («народ, этнос»), то возникает некий парадокс: «Термин „*национальная идеология*“ с логической строгостью требует определения субъекта, создателя этой системы ценностей в лице, соответственно, *нации*. Является ли сложившимся социальным субъектом *нация* „россияне“, или она пока еще также идеологически конструируема, но объективно утопична (в смысле у — нет, *топия* — места), как в свое время „советский народ“?» [Арапова 2007: 9]. Понятно, что это риторический вопрос: ведь *россияне* — гомункулы, существа из области ненаучной фантастики, или «фэнтези», — в общем, персонажи политической мифологии, и реальны лишь в текстах, как марсиане в романе Уэллса или в голливудских страшилках. В то же время политехнологическое трюкачество позволяет интерпретировать семантику прилагательного *национальная* в духе новейшего употребления, и тогда оказы-

вается, что *национальная идеология* — это по сути *государственная идеология*, т. е. та, которой в Российской Федерации не может быть в соответствии с ее конституцией. Однако поскольку буквально говорится о *национальной идеологии*, то никакого конституционного запрета на ее существование в России нет. Таким образом, и конституция не нарушена, и доминирующая идеология наличествует... «На свете вообще много чего не полагается, но что допускается» [Гашек 1956: 603].

Ранее о подобных лингвополитических фокусах-манипуляциях уже говорил В. В. Колесов, четко дифференцируя противопоставленные (по существу даже с точки зрения обыденного языкового сознания) понятия, тем не менее кем-то охотно смешиваемые: «Московский мэр Лужков (1988) говорит о „*российской национальной идее*“, что сразу же свидетельствует об эклектизме всех его суждений, связанных с темой. Идеи могут быть „*русскими*“ (о *русской идее* говорил уже Достоевский), но не существует „*российской идеи*“, как нет и „*российской нации*“ или „*российского языка*“, поскольку понятие „*нации*“ и „*языка*“ включает этнический признак также» [Колесов 1999: 82].

Однако упорство политтехнологов поистине негибко: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную *российскую нацию* при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» (из выступления Д. Медведева в феврале 2011 г. на заседании президиума Госсовета, посвященного укреплению межнационального согласия в России [Metoid.ru]).

Кстати, очередным зримым подтверждением современных тенденций политтехнологической вербальной магии в России обещает стать законодательная новация, в соответствии с которой слово *национальный* будет применяться лишь в отношении к государству, а конфликты, называвшиеся ранее *межнациональными*, теперь станут именоваться *межэтническими* [Новости // ПримаТВ. 23.08.2011, бегущая строка — со ссылкой на НГ] (ср.: «В недрах кабинета министров РФ разрабатывается законопроект, предполагающий использование слова *национальный* только в масштабах всего Российского государства. В отношении народов, проживающих в Российской Федерации, планируется ввести термин *этнический*. Таким образом, в России скоро не станет межнациональных конфликтов, так как они все перейдут в разряд межэтнических» [<http://mariuver.wordpress.ru> 27.08.11]).

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 20—26.

Арапова М. А. Мигранты и идеологическое пространство российского общества // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. — Екатеринбург, 2007.

Базылев В. Н. Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли // Известия

УрГПУ. Лингвистика. Вып. 16. — Екатеринбург, 2005. С. 5—12.

Бердашквич А. Русский язык как объект правоотношений // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 28—29.

Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. — М., 2003.

Васильев А. Д. Российская языковая политика 1991—2005 гг. — Красноярск, 2008.

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. — М., 1972.

Гербик Л. Ф. Распределение сфер употребления «русский» и «российский» в современных СМИ // Разноуровневые характеристики лексических единиц. — Смоленск. 1997. Ч. 2. С. 29—34.

Губаева Т. В. Язык и право. — М., 2004.

Гусар Е. Г. Смена или смешение парадигм? К вопросу о современной системе ценностей // Человек — коммуникация — текст. — Барнаул, 2008. Вып. 8. С. 31—38.

Денисов П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. — М., 1984. С. 142—158.

Денисова С. П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М., 2004.

Дубчинский В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 1995.

Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. — М., 1983.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4-е изд. — М., 2006.

Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики (К изучению научного наследия Я. К. Грота) // Материалы и исследования по истории литературного языка. — М., 1957. Т. 4.

Иванец Г. И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8. С. 87—94.

Ильин М. В. Политический дискурс: слова и смыслы // ПОЛИС. 1994. № 1. С. 127—140.

Конституция Российской Федерации : принята 25 дек. 1993 г. : с поправками от 30 дек. 2008 г. // Российская газета. 2009. № 4831. 21 янв.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» — СПб., 1999.

Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб., 2004.

Конституция Российской Федерации. — Новосибирск, 2006.

Котелова Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 48—63.

Лингвистический энциклопедический словарь = ЛЭС. — М., 1990.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. — М., 1998.

Мирский Э. М. Национальная идеология и язык // Высшее образование в России. 1999. № 3. С. 105—108.

Поршнева Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. — М., 1973.

Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976. С. 35—220.

Сидельников В. П. Языковой статус и национально-языковая политика // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. — Луганск ; Цюрих ; Женева, 2001. Вып. 2. Ч. 2. С. 185—191.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30-90-е годы XIX века). — М. ; Л., 1965.

Трубачев О. Н. О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 5. С. 43—44.

Трубачев О. Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. — М., 2004.

Фролов Н. К. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. — Тюмень, 2005а. Т. 1. С. 485—490.

Фролов Н. К. Феномен русскости и истоки русофобии // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. — Тюмень, 2005б. Т. 1. С. 504—509.

Шастина И. А. Языковая категоризация этнической принадлежности (когнитивно-аксиологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2009.

Шестаков С. А. Российский консерватизм: история и современность. — Тюмень, 2005.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

АРС = Англо-русский словарь // сост. В. К. Мюллер. — М., 1956.

БАРС = Большой англо-русский словарь // под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. Изд. 4-е, испр., с доп. : в 2 т. — М., 1987.

БКСО = Большая картотека Словарного отдела / Ин-т лингвистических исследований РАН.

КДРС = Карточка Словаря русского языка XI—XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — М. : Русский язык, 1976.

МАС₂ = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1981—1984.

САР₂ = Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. — СПб., 1806—1822.

СИС = Словарь иностранных слов. — М., 1979.

Сл. Даля = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М., 1955.

Сл. Соколова = Общий церковно-славяно-русский словарь, или собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречии употребляемых..., составленное П. С[околовым] : в 2 ч. — СПб., 1834.

Сл. сочет. = Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. — М., 1983.

СУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940.

ТСОШ = Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 3-е. — М., 1996.

ТССРЯ = Толковый словарь современного русского языка / под ред. Г. Н. Склярской, 2001.

Фасмер = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 1964—1973.

Черных = Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — М., 1993.

Hornby = Hornby A. S. Oxford's Student's Dictionary of Current English. Special Ed. for the USSR. — М. ; Oxford, 1983.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Антонов А. Вы, случаем, не «фараон»? // Советская Россия. 2010. 29 июня. С. 2.

Вулф Т. Домой возврата нет. — М., 1982.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. — М., 1956.

Есин С. Н. На рубеже веков. Дневник ректора. — М., 2002.

Ефремов О. О Вампилове. Воспоминания и размышления // Вампилов А. В. Дом окнами в поле. — Иркутск, 1982.

Зощенко М. Мемуары старого капельдинера // Зощенко М. Собр. соч. : в 3 т. — Л., 1986. Т. 1. С. 148—150.

Зощенко М. Письма к писателю // Зощенко М. Собр. соч. : в 3 т. — Л., 1986. Т. 1. С. 539.

Кичин В. Кино без национальности // Российская газета-неделя. 2008. № 187. 4 сент. С. 27.

Ковальская А. Сибирская диаспора. Национальность — красноярцы // Городские новости. № 128. 2009. 28 авг. С. 7.

Лунина Л. Чтобы стать патриотом, иногда полезно пожить за границей // Русский мир.ру. 2009. Февр.

Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь // Островский А. Н. Избр. пьесы : в 2 т. — М., 1972. Т. 1. С. 290—332.

Пелевин В. Generation П. — М., 1999.

Толстой А. Н. Хождение по мукам. — Челябинск, 1982. Т. 1.

Тынянов Ю. Н. Малолетний Витушишников // Тынянов Ю. Н. Кюхля. Рассказы. — Л., 1973. С. 465—514.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. довольно характерный для определенных российских слоев диалог между юристами М. Барцевским и В. Платоновым: «А ты не считаешь, что понятие *национальности* в России — это несколько п р и д у м а н н а я в е щ ь?» — «Я даже знаю кем. Б о л ь ш е в и - к а м и» (Закон не местного значения // РГ-неделя. № 39. 25.02.2010. С. 8). К стати, далее В. Платонов (председатель Московской городской думы) заявляет: «Для себя я ставлю задачу сделать, как в США», — по крайней мере, применительно к деятельности Ассоциации юристов России.

[2] Распространение устойчивого словосочетания *плавильный котел*, обозначающего стирание национальных различий между разноплеменными иммигрантами в США, связывают с комедией английского писателя, деятеля сионистского движения И. Зангвилла “The Melting Pot” (англ. «Плавильный котел») 1908 г., в тексте которой дана дешифровка названия: *Америка... это огромный плавильный котел, в котором переплавляются и преобразуются все европейские национальности*; выражение это, по-видимому, встречалось и ранее. В 1976 г. президент США Джими Картер заявил: «Мы уже не плавильный котел, а прекрасная мозаика» [Душенко 2006: 175].

[3] Отметим несомненный прогресс по сравнению даже с началом реформ: на заседании сессии Верховного Совета Российской Федерации 16 апреля 1993 г. Генеральный прокурор В. Степанков говорил о «разветвленной системе коррупции и злоупотреблений в органах власти... В России вся правоохранительная система не в состоянии вести борьбу с коррупцией и преступностью в высших эшелонах власти... Всевозможные реорганизации и частое дублирование западных моделей, которые привносятся в правоохранительную систему, приносят ей только больший вред» [Эхо Ельцингейта // Правда. № 75. 20.04.1993. С. 2].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов